

УДК 322+281.93

Н. С. Щёкин

Институт социологии НАН Беларуси

**ЦЕННОСТНЫЙ ДИАЛОГ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

В статье автор исследует ценностный фактор во взаимодействии церкви и государства. Выявляются объективные условия возникновения религиозных идей в истории, а также и обратное влияние христианских ценностей на выстраивание диалога государства и церкви. Ценностный диалог церкви и государства интерпретируется как цивилизационный феномен, что позволяет конструктивно использовать результаты многочисленных исследований диалога как специфической формы духовной коммуникации в ее персонифицированных проекциях, а также обосновать перспективность социокультурной и цивилизационной размерности диалога. Показана, в каких формах и по каким направлениям реализовался тот инвариантный нравственный потенциал христианства, который в огромной степени определял исторические перипетии западной цивилизации и в целом ее магистральную социодинамику. Наиболее эффективным механизмом обеспечения и реализации этой преемственности является культурная традиция и ценностный диалог, поэтому роли традиции и диалога в обосновании теократических моделей социального устройства на различных стадиях существования христианской западной цивилизации уделено приоритетное внимание.

Ключевые слова: диалог церкви и государства, христианская цивилизация, традиции, ценности, церковь, социальные ценности, религия.

N. S. Shchekin

Institute of Sociology of NAS of Belarus

**VALUE DIALOGUE OF CHURCH AND STATE AS FUNDAMENTAL FACTOR
IN DEVELOPMENT OF CHRISTIAN CIVILIZATION**

In the article the author explores the value factor in the interaction of church and state. The objective conditions for the emergence of religious ideas in history are revealed, as well as the reverse influence of Christian values on the building of a dialogue between the state and the church. The value dialogue of church and state is interpreted as a civilizational phenomenon that allows constructively using the results of numerous studies of dialogue as a specific form of spiritual communication in its personified projections, and justifying prospects of the sociocultural and civilizational dimension of the dialogue. It is shown in what forms and in what directions the invariant moral potential of Christianity has been realized. The role of tradition and dialogue in the justification of theocratic models of social order at different stages of the existence of Christian Western civilization is given priority attention.

Key words: dialogue of church and state, Christian civilization, traditions, values, church, social values, religion

Введение. Диалог церкви и государства, основанный на выборе духовных ценностей в качестве нормативных приоритетов организации жизни и регуляторов поведения людей, способствовал выработке стратегии развития христианской цивилизации. Тем самым «союз церкви и государства означал, что церковь становится гарантом существовавших общественных отношений...» [1, с. 203]. Именно религиозное отношение к действительности, которое доминировало в первых цивилизациях, во многом обосновывало цели общественного развития и определяло ход исторических событий. Более того, религиозная мотивация действий человека и стремящихся удовлетворить свои ценностные запросы групп общества выступала как фактор

возникновения новых социальных институтов, выполняющих функции обеспечения устойчивости и поддержания порядка социального мира. И именно религия как цивилизационный феномен всегда оставалась релевантной данной социокультурной традиции.

Основная часть. С появлением христианского комплекса верований европейская цивилизация совершила скачок в формировании новой цивилизационной парадигмы, перейдя в своем духовном развитии на иной, обусловленный историческими реалиями качественный уровень. Человеческая жизнь стала наполняться новой ценностной мотивацией, приобретать новый, жизнеутверждающий, смысл. Христианские традиции вдохнули новую жизнь в древ-

нюю историю, обеспечив историческую перспективу развитию общества и государства. Благодаря этим изменениям у человека появилась возможность «достигать бытие себя и мира сквозь призму вечности, ощущение которой стало для него мощным нравственным фактором, обуздания инстинктов ненависти и насилия» [2, с. 15].

Первые попытки диалога возникшего христианского движения с государством оказались неудачными. Это обусловлено тем, что государство видело в новом движении угрозу существующему социальному порядку и духовной традиции, а «христиане для ограждения себя от нападений правительства, народа и ученых предпринимали некоторые меры. Они обращались к властям, прося справедливо разобраться в их делах. Вместе с тем они старались опровергать то, что писалось о них языческими учеными» [3, с. 49]. Естественно, что проблематика христианского вероучения в тот период оказалась едва ли не единственной мировоззренческой площадкой, на которой столкнулись отживающий мир язычества и набирающий силу новый христианский мир со своей ценностной парадигмой.

В первые века своей истории христианство заметно эволюционировало, претерпев существенные внутренние трансформации, одновременно структурно выстраиваясь и гибко адаптируясь к социально-культурным реалиям. Начала формироваться традиция фронтального взаимодействия церкви и государства: в частности, «в III веке развернулись широкомасштабные общеимперские репрессии против приверженцев христианства. Но именно тогда... между государством и церковью складывались предпосылки для их многовекового союза» [4, с. 22].

Неоднородность раннехристианских общин по своему этническому и социальному составу на начальном этапе становления христианства и институционализации церкви предопределила парадигмальный статус социальных ценностей во взаимоотношениях государства и церкви. В конце I и первой половине II в. христианские общины состояли преимущественно из рабов и малоимущих свободных людей [5, с. 153], что изначально повлияло на антагонистический характер отношений между христианскими общинами и государством. Социальные различия нивелировались, поскольку «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [6, Кол., 3, 11].

В процессе эволюции вероучения и культа социальный состав христианских общин изменился. Постепенно оформлялось руководство общинами и церковью – возник институт апо-

столов, учителей. Позже, со II века, появились должностные лица – пресвитеры, диаконы, епископы. Этот факт явился одним из важнейших при оформлении христианской идеологии в целом. Возникновение церковного аппарата, усиление церковной организации, трансформация символа веры определили особое место и роль церкви в жизненном пространстве социума и узаконили взаимоотношения с императорской властью.

Таким образом, «церковь – такое же исторически обусловленное явление, как, например, государство, феодализм и само христианство» [7, с. 220]. Следовательно, взаимоотношения государства и церкви определялись ценностной системой конкретной исторической эпохи, в условиях которой эти социальные институты реализовывали свои социально-исторические проекты. Показательно, что историческое развитие христианства начиная с епископальной церкви характеризовалось тенденцией к примирительному ценностному диалогу со светскими властями.

В раскрытии тенденций развития самого христианства особого внимания заслуживает внутрицерковная жизнь (учение, литургия, проповеди и т. д.), которая во многом определяла ценностно-нормативные регуляторы отношений, имеющие парадигмальный характер, церкви с государством. Так, почти все проповеди и послания церковных иерархов пронизаны эсхатологическими мотивами, своего рода пропагандой идеи равенства всех людей перед Богом, обсуждением вопросов догматики и обрядности. Особый интерес представляет то, что со временем в Посланиях стало отражаться некоторое сомнение по поводу неминуемо близкого второго пришествия Богочеловека, что, в свою очередь, нацеливало верующих на неизбежный компромисс с «власть имущими». Более того, если раньше упор в Посланиях руководителей церкви делался на равенстве всех людей перед Богом, то теперь усилили церкви все более были обращены на смирение рабов и простых людей: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» [6, Эфес., 6, 5]. Под лозунгом «послушания рабов хозяевам» возникла тенденция к объединительной роли церкви как единственного актора, претендующего на роль государственного идеолога, формирующего нравственный и моральный облик общества.

В новозаветную эру появился новый императив нравственности, содержащий своего рода цивилизационно-культурный и социокультурный код корреляции между религиозными взглядами и экономическим поведением. Его яркой иллюстрацией могут служить строки из

Послания Иакова: «Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» [6, II, 17 и 26]. В этих строках уже можно обнаружить некоторые нотки присущего современной цивилизации христианского Запада прагматизма и приоритета телеологического (в терминологии Аристотеля) или целерационального (в терминологии М. Вебера) действия. Постепенно выкристаллизовывалась идея: «В этом греховном мире верующий должен трудиться во благо дела Божьего». Например, протестантство с его отношением к труду как основополагающему элементу протестантской этики оказало заметное влияние на социальную структуру общества и повлияло на связанные с ней проблемы современного Запада. Зачатки подобных идей, первоначально прослеживающиеся в Посланиях, а после отразившиеся в канонах церкви, стали предвестником формирования в будущем системы ценностей западного типа общества, с характерным для нее отстаиванием естественных и гражданских прав человека. Так, Я. С. Яскевич подчеркивает: «Христианская мораль предложила новую шкалу человеческих ценностей (крайний ригоризм – отказ от своеволия и полное подчинение воле бога; аскетизм; утешение – искупление страданий и вечное блаженство в ином мире; принцип любви как универсальный принцип морали; принцип милосердия, предполагающий прощение обид, сострадание и помощь страждущим и т. д.)» [8, с. 159]. Религиозная интерпретация этих процессов исключила всякий мистицизм, тем самым создавая благоприятные, но неоднозначные в своем понимании условия развития ценностного диалога государства и церкви.

Таким образом, анализ влияния христианства на социум выявляет как объективную обусловленность возникновения религиозных идей в истории, так и обратное влияние христианских ценностей и верований на светскую жизнь, в частности на выстраивание диалога государства и церкви. В итоге формируется новая система ценностей христианского мира, которая с течением времени обретает статус традиционной. Она задает новые формы для обретающего характер перманентного диалога государства и церкви. Церковь, выйдя из латентного периода своего существования, стала преследовать новые цели в своих отношениях со светской властью и вкладывать новый смысл в понимание задач государства и государственности. Человек уже не видел себя вне церковной жизни. Как заметил один из идеологов евразийства П. Н. Савицкий: «Истинной формой личного бытия как индивидуального, так и симфонического является бытие церковное» [9, с. 46–47].

Процесс создания христианских канонов тесно связан со становлением монархического епископата и развитием диалога с государством. Более того, клиром и представителями светской власти найден уникальный формат культурного сближения для преодоления ценностных преград в обществе, и в частности снижения влияния языческих традиций. Так, М. Мюллер, рассуждая о религиозном факторе как о сильнейшем импульсе, объединяющем людей, отмечал: «Все герои – христиане, и все они слились с историческими личностями четвертого, пятого и шестого столетий» [10, с. 187].

Эти взаимосвязанные социальные и религиозные ценности стали основой политической, хозяйственной и частной жизни людей. Наметившиеся с возникновением христианства некоторые их несоответствия, прежде всего в хозяйственно-экономической сфере, были нивелированы с учетом общих стратегических интересов. Однако всегда, независимо от исторической конъюнктуры, церковь во главу угла отношений с государством ставила незыблемость постулатов о временном и преходящем характере светской власти, обусловленном наличием в мире греха и необходимостью ему противодействовать. «Церковь всегда отчетливо осознавала коренное различие церковного и государственного начал в жизни человечества, ибо природа Церкви одна, а природа государства – иная» [11, с. 21].

Трансформация средневековой Европы, всей западной культуры радикально изменила отношение католической церкви к государству. Церковь и монастыри создавали своеобразные интеллектуальные анклав, аккумулирующие все духовные, научные достижения человечества. Церковь по негласной договоренности, может, даже исходя из корреляции собственных интересов с интересами государства, стала центром обучения и образования – учености. Нельзя оспаривать тот факт, что одновременно шел процесс жесткого противостояния в борьбе за влияние на интеллектуальный климат Европы. И государство, и церковь до определенного момента часто в резких формах отстаивали свою заинтересованность в использовании в своих целях тех или иных достижений духовной культуры. Однако и оно имело ограничения. С одной стороны, церковь обязана была придерживаться конкретных канонов (Священное писание, Послания, христианское учение), что являлось мощным средством влияния духовенства на массы рядовых членов христианской церкви. С другой стороны, государство неуклонно придерживалось позиции политической безопасности и экономической независимости и ревностно, даже, можно сказать, функцио-

нально, следило за тем, чтобы культурные новации соответствовали культурной традиции.

Непрекращающийся философский поиск баланса «нового» разума с верой – искания Фомы Аквинского, Ансельма Кентерберийского, Марсилия Падуанского, Николая Кузанского и многих других христианских мыслителей – привел к необратимым процессам трансформации средневековой эпохи, западного мышления и поставил вопрос о духовной миссии церкви. Церкви пришлось пересмотреть свое отношение к государственным интересам и надеждам простых мирян. Р. Тарнас тонко отмечает основную проблему расхождения и противоречия видения жизненного пространства двух социальных институтов: церкви – государства. «Новые общественные образования – гильдии, братства, цеха – основывались скорее на горизонтальных линиях равенства, а не на прежних вертикально-деспотических отношениях феодалов и вассалов. Новый порядок в отношениях уже опирался не на освященную церковью клятву вассала в подчинении господину, но на более демократический консенсус между ними» [12, с. 147].

Достижения и преобразования, интеллектуальные поиски средневековой эпохи предопределили неизбежность государственно-национальных образований, а вместе с ними и зачатки манифестации социального самосознания. Конечно, в этот период еще не сложилось гражданское общество, но тот факт, что вскоре Дж. Локк, А. Смит и другие смогли выделить основные подходы к определению сущности гражданского общества на основе предшествующей исторической эпохи, существенно меняет наше отношение к Средневековью. Средневековый период в истории человечества уже не является «дремучим, темным временем» в западноевропейской истории. Это просвещенческое заблуждение, что Средневековье – это «спячка». Скорее наоборот. Неслучайно Н. А. Бердяев говорил о «новом Средневековье». В Средневековье произошла ценностная революция. Там было много достойного, когда парадигма выживания, устойчивости, стабильности стала ведущей.

Общество и государство Средних веков – это общество и государство транзита, поэтому христианский, а позже, после его разделения, католический тренд нужно было адаптировать к традиции западноевропейских национальных государств. Отсюда и потребность в диалоге церкви и государства, с одной стороны, а с другой – в диалоге между церковью и обществом в целом. Р. Арон делает любопытный вывод относительно ценностных перспектив религии: «Любая религия должна была в любую эпоху

находить компромисс между требованиями религиозных принципов и внутренними потребностями определенных областей деятельности» [13, с. 543]. Так происходило и в Новое время, так происходит и в современных обществах.

Что же касается христианского мира, то он находится сегодня в такой цивилизационной ситуации и таких исторических условиях, когда напряжение прошлого «сошло на нет», а в выработке стратегии будущего только начинают нащупываться реперные точки социально-исторического развития. В этой ситуации церковь предпринимает попытки, как пишет Э. Тоффлер, обрести свое «новое старое» пристанище «в мире, взболтанном индустриальной революцией, в котором, все, несомненно, было “не на своем месте”» [14, с. 106], в свободе человеческого прогресса.

Касаясь взаимоотношений церкви и государства, следует отметить, что современное государство не должно зависеть от религиозных настроений. Однако обществу и государству следует воспринимать религию как неотъемлемый сегмент социальных процессов и устойчивого созидательного фактора гражданского общества. Именно по этой причине государство в контексте приоритетов своего развития определяет парадигму, которая позволяет достичь гармоничного существования граждан. В таких случаях государство находит или выбирает основную религию, которая по всем критериям отвечает сложившимся традициям, нравственным и ценностным основаниям общества, что позволяет достичь баланса доверия власти и доверия личности. В свою очередь доминирующая религиозная организация как ключевой партнер государства взаимодействует с представителями иных религиозных объединений. На наш взгляд, следует придерживаться точки зрения, согласно которой «Диалог церкви и государства – это философско-историческая форма саморефлексии, залог устойчивого социального развития, толерантных отношений в обществе, сохранения и укрепления нравственных ценностей в непрерывно развивающемся многообразном и многополярном мире» [15, с. 33].

Другой важный вопрос относительно взаимоотношений церкви и государства – вопрос о том, каковы основные каналы влияния религии на гражданское общество и институты государственной власти. Здесь значительную роль играет взаимодействие церкви со структурами государства в контексте реализации социальных программ и межрелигиозное и межконфессиональное сотрудничество, также важный сегмент этого взаимодействия. Это естественно, поскольку внутрицерковные отношения, ровно как и сфера международного сотрудничества

церкви с религиозными структурами других стран и цивилизаций, составляют важнейшую сферу социокультурных компетенций и социальной ответственности религии в современных условиях. «Церковь всегда брала на себя исполнение важнейших моральных задач, в ряду которых, во-первых, она выступает от имени божественного авторитета; во-вторых, предстает как своеобразная “школа нравственности” (обойти ее было практически невозможно, так как вся жизнь – от крещения до отпевания – проходила в той или иной степени хотя бы в ритуальных или даже формальных рамках церкви); в-третьих, она выступала как хранитель и транслятор моральных ценностей. Помимо этого, церковь никогда не отказывалась от попыток сделать человека лучше, помочь в духовно-нравственном самоопределении личности. Как правило, в этих целях церковь использовала все доступные ей возможности, в том числе выходящие за рамки собственно церковных» [16, с. 127].

Заключение. Таким образом, социальные ценности выступают фундирующим основанием развития диалога церкви и государства. Поскольку это социальные ценности, постольку они сопровождали развитие общества на всем протяжении его исторического развития и в этом смысле носили конкретно-исторический характер, способствуя их закреплению в форме определенных традиций и, как следствие, преемственности и стабильности социодинамики. Перманентное изменение исторической ситуации, обуславливающее смену исторических эпох, не могло не отразиться на изменении характера самих социальных ценностей. В этом смысле социальные ценности начинали играть

роль новаций, которые с течением времени становились основой формирования новой традиции. Эта диалектика традиционного и новационного в динамике ценностей свидетельствует о том, что существует устойчивое нормативное «ядро» в цивилизационном развитии общества, которое составляют ценности константного, непреходящего характера.

Среди этих ценностей *ценность жизни*, осознание которой отчетливо проявилось в духовном строе Древней Греции, особенно на фоне некрофилического *отношения к смерти*, свойственно культуре Египта. Эти ценности связаны с попытками нахождения *смысла жизни* в духовном опыте христианского Средневековья, с осознанием важности *самоопределения и свободы человека* европейского Нового времени, пониманием самоценности человека и вместе с тем наличия у него таких качеств, как чувства *коллективизма* и *альтруизма*, что свойственно для русской и, шире, восточнославянской традиции. Если же рассматривать социальные ценности в их исторической преемственности, то к их числу необходимо отнести ценности *доверия* и *взаимопомощи*, *социальной справедливости*, *равенства*, *наконец, гармонии веры и знания, смысла и цели истории человечества* и др.

При этом не важно, какова природа и происхождение этих ценностей – конкретно-историческая или религиозная, поскольку их сущность и нравственный пафос совпадают. Главное, что это ценности, которые составляют основу единого дискурса – системы социокультурных значений, позволяющих церкви и государству «говорить на одном языке», а значит – вести конструктивный диалог.

Литература

1. Федосик В. А. Церковь и государство: критика богословских понятий. Минск: Наука и техника, 1988. 205 с.
2. Оргиш В. П. Истоки христианства: культурно-исторический генезис. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 279 с.
3. Тальберг Н. Д. История христианской церкви. М.: Православ. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2001. 517 с.
4. Федосик В. А. Киприан и античное христианство. Минск: Университетское, 1991. 208 с.
5. Лившиц Г. М. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря. Минск: Выш. шк., 1967. 319 с.
6. Библия: кн. Свящ. Писания Ветхого и Нового Завета. Минск: Белорус. Православ. Церковь (Белорус. Экзархат Моск. Патриархата), 2015. 1519 с.
7. Ленцман Я. А. Происхождение христианства. М.: Акад. наук СССР, 1958. 267 с.
8. Яскевич Я. С. Время кризиса – время надежды и диалога. Минск: Право и экономика, 2009. 189 с.
9. Савицкий П. Н. Континент Евразия: сборник. М.: Аграф, 1997. 461 с.
10. Мюллер М. От слова к вере. Миф и религия. М.: Эксмо; СПб.: Terra fantastika, 2002. 864 с.
11. Данилов С. А., Орлов М. О. Государство, общество, религия в западноевропейской цивилизации // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8, № 1. С. 20–27.
12. Тарнас Р. История западного мышления = The passion of the west mind. М.: Кронн-Пресс, 1995. 444 с.
13. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с.

14. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
15. Щёкин Н. С. Конструктивный диалог церкви и государства как фактор социально-исторического развития Беларуси // *Философия и социальные науки*. № 4, 2016. С. 33–37.
16. Лаптёнок А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации. Минск: Нац. ин-т образования, 1999. 201 с.

References

1. Fedosik V. A. *Tserkov' i gosudarstvo: kritika bogoslovskikh ponyatiy* [Church and state: critics of theological meanings]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1988. 205 p.
2. Orgish V. P. *Istoki khristianstva: kul'turno-istoricheskiy genezis* [Origins of Christianity: cultural and historic genesis]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1991. 279 p.
3. Tal'berg N. D. *Istoriya khristianskoy tserkvi* [History of Christian church]. Moscow, Pravoslavnyy Sv.-Tikhonovskiy Bogoslovskiy institut Publ., 2001. 517 p.
4. Fedosik V. A. *Kiprian i antichnoye khristianstvo* [Cyprian and antic Christianity]. Minsk, Universitetskoye Publ., 1991. 208 p.
5. Livshits G. M. *Proiskhozhdeniye khristianstva v svete rukopisey Mertvogo morya* [Origin of Christianity in light of manuscripts of Dead Sea]. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 1967. 319 p.
6. *Bibliya: kn. Svyashch. Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible]. Moscow, Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov' (Belorusskiy Ekzarkhat Moskovskogo Patriarkhata) Publ., 2015. 1519 p.
7. Lentsman Ya. A. *Proiskhozhdeniye khristianstva* [Origin of Christianity]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 267 p.
8. Yaskevich Ya. S. *Vremya krizisa – vremya nadezhdy i dialoga* [Time of crisis is time of hope and dialogue]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2009. 189 p.
9. Savitskiy P. N. *Kontinent Yevraziya: sbornik* [Continent of Eurasia: collection of works]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 461 p.
10. Myuller M. *Ot slova k vere. Mif i religiya* [From word to faith. Myth and religion]. Moscow, Eksmo; St. Petersburg, Terra fantastika Publ., 2002. 864 p.
11. Danilov S. A., Orlov M. O. State, society, religion in Western European civilization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [News of Saratov University. New series. Philosophy, Psychology, Pedagogics], 2008, vol. 8, no. 1, pp. 20–27 (In Russian).
12. Tarnas R. *Istoriya zapadnogo myshleniya* [The passion of the west mind]. Moscow, Kronn-Press Publ., 1995. 444 p.
13. Aron R. *Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [Stages of development of sociological thought]. Moscow, Progress Publ., 1992. 608 p.
14. Toffler E. *Shok budushchego* [Choke of future]. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p.
15. Shchekin N. S. Constructive dialogue between church and state as factor of social and historic development of Belarus. *Filosofiya i sotsial'nyye nauki* [Philosophy and Social sciences], 2016, no. 4, pp. 33–37 (In Russian).
16. Laptenok A. S. *Nravstvennaya kul'tura obshchestva: preemstvennost' i novatsii* [Moral culture of society: continuity and innovation]. Minsk, Natsional'nyy institut obrazovaniya Publ., 1999. 201 p.

Информация об авторе

Щёкин Николай Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, руководитель Центра политической и экономической социологии. Институт социологии НАН Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2). E-mail: biant14@icloud.com

Information about the author

Shchekin Nikolay Sergeevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Center for Political and Economic Sociology. Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surганova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: biant14@icloud.com

Поступила 05.09.2017